

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Ли Яньянь

Коннотативная система субстантива в функциональном аспекте (на материале
российских СМИ)

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва – 2020

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

Чернейко Людмила Олеговна
Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор кафедры
русского языка филологического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова

Официальные
оппоненты:

Григорьева Татьяна Владимировна
доктор филологических наук, заведующий
кафедрой современного русского языкознания
филологического факультета ФГБОУ ВО
«Башкирский государственный университет»

Кобозева Ирина Михайловна
доктор филологических наук, профессор отделения
теоретической и прикладной лингвистики
филологического факультета ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова»

Колесникова Светлана Михайловна
доктор филологических наук, заведующий
кафедрой русского языка института филологии
ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет»

Защита диссертации состоится «23» декабря 2020 года в__час.
на заседании диссертационного совета МГУ.10.01 Московского
государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: 119991
ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й корпус
гуманитарных факультетов, филологический факультет.

E-mail: russlang@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной
библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27). Со
сведениями о регистрации участия в защите в удаленном интерактивном режиме
и с диссертации в электронном виде также можно ознакомиться на сайте ИАС
«ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/333874468/>

Автореферат диссертации разослан «__» 2020 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук

О.В. Дедова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационная работа посвящена изучению коннотативной системы субстантива в функциональном аспекте на материале текстов (письменных и устных) современных российских средств массовой коммуникации.

Пришедшее из логики понятие «коннотация» с момента своего появления в языкознании стало предметом внимания многих исследователей (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Р. Барт, Л. Блумфилд, В.И. Говердовский, Л. Ельмслев, О.Г. Ревзина, В.Н. Телия, У. Эко и др.), а его обсуждение привело к разным векторам понимания термина «коннотация». Сложившееся в лингвистике к настоящему времени широкое понимание обладает одним из важных для когнитивистики свойств – амбивалентностью, позволяющей применять этот термин как к языковому знаку, так и к семиотизированному фрагменту внеязыковой действительности. Было сформулировано несколько определений данного термина, не в полной мере совпадающих друг с другом, однако мнения всех исследователей сходятся в том, что коннотация тесно связана с прагматическим значением слова, фиксирующим отношение между знаком и производителем речи (говорящим) и что в эксплицированной или имплицитной коннотации представлена сопровождающая понятие о предмете его эмоционально-оценочная характеристика.

Термин «коннотация» является лингвистическим средством (инструментом), фиксирующим универсальную способность знака выполнять вторичные функции, что и приводит к асимметрии означающего и означаемого. Термин «коннотативная система» (в противоположность системе денотативной) введен Р. Бартом, определившим ее как систему, «план выражения которой сам является знаковой системой»¹. Р. Барт также считал, что «будущее принадлежит коннотативной лингвистике»², поскольку на базе денотативной системы, состоящей из естественных языковых знаков, непрерывно возникают ее

¹Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 157.

²Барт. Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. С.158.

вторичные «надстройки» (коннотативные системы), а такой процесс непосредственно соприкасается с проблемами исторической антропологии.

Коннотативная система единиц лексикона русского языка достаточно хорошо изучена и описана в лексикографических источниках. Но динамике, функциональному аспекту исследования коннотаций таких значимых для СМИ единиц, как абстрактные имена (АИ) (а именно они входят в основной состав знаменательных «ключевых слов» культуры и ее определенного периода, «момента»), аббревиатуры и прецедентные имена (ПИ) в их вторичной функции, уделено гораздо меньше внимания.

В рамках проведенного исследования были поставлены следующие **цели**: 1) изучить коннотативную систему лексикона языка в ее текстовом, динамическом, т.е. в функциональном аспекте; 2) выявить а) влияние возникающих в речи и закрепившихся в пространстве СМИ ассоциаций («неоконнотаций») на структуру разных по семиотическому статусу единиц лексикона, что важно для лингвистики речи (коммуникативистики), и б) аксиологическую позицию слушающего (читающего) в восприятии им таких вторичных языковых знаков, как аббревиатура и прецедентное имя.

Следует особо отметить, что **основная задача** исследования состояла в обнаружении коннотаций трех типов избранных имен существительных в современных текстах СМИ, поэтому главный вектор анализа представлен как движение от текста к знаку, а не от знака к тексту. Следствием такого подхода является не составление конкорданса при заранее отобранных именах, а выявление имен, обнаруживших в контексте (совокупности контекстов) нетривиальные ассоциативные смыслы.

Достижение поставленных целей потребовало решения и более **частных задач**, к которым относятся следующие:

1) Рассмотрение ключевых понятий «коннотация», «денотация», «коннотативная система», «денотативная система», «проективный смысл», «абстрактное имя», «аббревиатура», «прецедентное имя» и семантизация

триады терминов «ассоциация – коннотация – проекция»;

2) Исследование абстрактных имен в аспекте выявления их «вещных» (когда в фокусе внимания сочетания АИ с дескриптивными прилагательными, глаголами ненаблюдаемых действий и состояний – это «дескриптивные» глаголы, по Н.Д. Арутюновой, и предметными именами в функции «скрытых» предикатов) и «невещных» (логических, стилистических) коннотаций;

3) Изучение возникающих новых ассоциаций аббревиатур, закрепившихся в пространстве СМИ в виде неоконнотаций, с акцентом на их новизне, не зафиксированной существующими базами (толковыми словарями и НКРЯ);

4) Рассмотрение нестандартного употребления в СМИ прецедентных имен.

Объектом настоящего исследования являются коннотации семиотически разноприродных лексических единиц, взятые в их функциональном аспекте, а **предметом** исследования – коннотативный ореол абстрактных имен, коннотации аббревиатур и коннотативные значения прецедентных имен, реализующиеся в текстах современных российских СМИ и реконструируемые по нестандартным контекстам употребления (для АИ – по сочетаемости с вторичными предикатами).

Материалом для проведения данного исследования послужили тексты разных по мировоззренческой позиции газет и журналов, вышедших за период 2015-2020 гг.: «Известия», «Коммерсантъ», «Литературная газета», «Независимая газета», «Огонек», «Профиль», «РИА Новости», «Российская газета», «Эксперт», «7 дней» и др., а также устные тексты радио: «Радио Sputnik», «Коммерсантъ FM 93.6». Кроме собственноручно выполненных записей из указанных источников использованы данные «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ) и «Корпуса газет конца 20-го века» (ЛОКЛЛ филологического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова), а также привлечены материалы из картотеки Л.О. Чернейко. Всего выбрано 700 контекстов, но в работе исследовано около 500 (494). Количество выбранных из исследованных контекстов лексических единиц распределяется следующим образом: АИ – 60,

аббревиатур – 56, ПИ – 31 (список представлен в Приложении).

О степени разработанности проблемы можно судить по достижениям в области ассоциативной лингвистики (В.А. Долинский, Ю.Н. Караулов, И.В. Ружицкий), изучения коннотативной системы единиц лексикона (Ю.Д. Апресян, О.Г. Ревзина, В.Н. Телия), семантики и прагматики абстрактного имени (Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, Л.О. Чернейко), аксиологии и эмотиологии (Е.М. Вольф, Т.В. Григорьева, В.И. Шаховский), аббревиатур (Е.А. Земская, Е.В. Клобуков, А.П. Сковородников), прецедентных феноменов (Д.Б. Гудков, В.В. Красных, В.Н. Телия), языка СМИ (М.Н. Володина, Т.Г. Добросклонская, Г.Я. Солганик).

Теоретико-методологической базой проведенного диссертационного исследования послужили основные положения семиотики, лексической семантики, лингвокультурологии и лексикографии, разработанные в трудах Ю.Д. Апресяна, И.В. Арнольд, Н.Д. Арутюновой, Р. Барта, А. Вежбицкой, В.В. Виноградова, Т.Г. Винокур, И.Р. Гальперина, Д.Б. Гудкова, Т.Г. Добросклонской, Л. Ельмслева, Е.А. Земской, Ю.Н. Караулова, Е.В. Клобукова, М.Н. Кожиной, В.Г. Костомарова, С.А. Кузнецова, Д. Лакоффа, А.Ф. Лосева, Е.А. Нахимовой, М.В. Панова, Б. Рассела, Е.В. Рахилиной, О.Г. Ревзиной, В.З. Санникова, Г.Я. Солганика, Ф. де Соссюра, Ю.С. Степанова, А.В. Суперанской, В.Н. Телия, В.А. Успенского, А.А. Уфимцевой, Л.О. Чернейко, Н.Ю. Шведовой, А.Д. Шмелева, Д.Н. Шмелева, У. Эко и др.

В диссертационной работе в основном используются такие **методы** работы с материалом, как наблюдение, сплошная выборка, и такие виды его анализа, как контекстный, лексикографический, сопоставительный (сравнение выделенных в контексте смыслов со словарными значениями, а также с данными баз НКРЯ и ЛОКЛ филологического факультета МГУ).

Достоверность полученных результатов обеспечивается объемом выбранного материала (из 700 контекстов проанализировано 494, список имен, выбранных из контекстов, – 137). Достоверность полученных результатов

исследования материала обеспечена их верифицируемостью, надежностью использованных методов анализа и опорой на достижения ведущих специалистов в области лексической семантики и прагматики.

Актуальность и новизна проведенного исследования определяется и ее междисциплинарным характером, производным от выбора материала для изучения (это в первую очередь собранные методом сплошной выборки контексты из современных российских СМИ, письменных и устных, являющихся ареной мировоззренческой борьбы), и подчиненным единой лингвистической задаче объединения в одном исследовании совершенно разных по их семиотическому статусу имен существительных.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней а) анализируются окказиональные ассоциации (неоконнотации) имен разных семиотических статусов (абстрактных субстантивов, аббревиатур, прецедентных имен) и обосновывается возможность их реконструкции для абстрактного феномена с применением такого простого и эффективного инструмента, как «проективный смысл»; б) аббревиатура, выполняющая сугубо номинативную функцию в профессиональных сферах и трактуемая лингвистикой как вторичный и несамостоятельный знак-дублет по отношению к производящей базе, рассматривается в аспекте обретения ею в текстах современных российских СМИ статуса самостоятельного слова за счет выполнения аббревиатурой оценочной функции; в) выявляется и теоретически аргументируется причина асимметрии прецедентных имен – это их вторичная функция, рождающая окказиональное переносное значение; оппозиция «имя собственное (ИС) в его вторичной функции – прецедентное имя (ПИ)» превращается в триаду «ИС – ПИ₁ – ПИ₂» (вторичная функция возникает за счет появления новых ассоциаций или изменения уже существующих).

Практическая ценность результатов проведенного диссертационного исследования заключается в возможности включения их в учебные курсы и спецкурсы по лексикологии, когнитивной семантике, лексикографии,

прагматике, исследовательской практике, а также по такому относительно новому междисциплинарному научному направлению, как рецептивная лингвистика.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. К общетеоретическим положениям относятся те, которые связаны с лингвистическим инструментарием. **Первое.** Термин «коннотация» в современной лингвистике расширил зону своей референции, что привело к возникновению и закреплению в лингвистике видовых аналитических терминов «вещные коннотации», «стилистические коннотации», «культурные коннотации», уточняющих родовое для них понятие «коннотация». В настоящей работе используется термин «проекция», связанный с коннотацией, который получил следующую семантизацию в триаде терминов «ассоциация» – «коннотация» – «проекция»: «ассоциация» – наиболее широкое понятие, применимое ко всем ассоциативным связям слова (метафорическим и метонимическим, парадигматическим и синтагматическим), «коннотация» – узаконенные, принятые языком ассоциации имен существительных вне зависимости от их семиотического статуса (это и предметные существительные, и абстрактные, зависимые в своем дискурсном существовании от чувственно воспринимаемой сферы опыта), «проекция» – узаконенные (коннотации), а также окказиональные ассоциации, в которых ассоциативно связанная пара находится в неравноправных когнитивных отношениях, когда менее известное (и понятное) подчинено более известному, что проявляется в проекции первого на второе, а абстрактный феномен проецируется на предметную сферу опыта, что проявляется в сочетаемости его имени. **Второе.** Следует отметить, что аналитический термин «окказиональная коннотация», принятый в современной лингвистике, является логически противоречивым, своего рода оксюмороном. Тем не менее в тексте представленной работы он употребляется на равных правах с более логичным термином «окказиональная ассоциация», что позволяет считать термины

дублетами, а их сосуществование определяется исключительно требованиями контекста.

2. Deskриптивное прилагательное, deskриптивный глагол и предметное имя выступают в качестве метафоризаторов абстрактных субстантивов. В текстах современных СМИ предпочитают употреблять нетривиальные словосочетания абстрактных имен с такого рода метафоризаторами, например, *желтое настроение, коррупция разъедает общество, болото либерализма* и под., в которых неоконнотации абстрактных феноменов (А-феноменов) проявляются и закрепляются за называющими их именами. Распространенной является сочетаемость АИ с глаголами ненаблюдаемых действий типа *экспортировать коррупцию*, в которой проявляются «невещные» (логические) коннотации А-феномена (коррупция) в рамках когнитивной метафоры с имплицитным вспомогательным субъектом, извлекаемым из сочетаемости глагола в его прямом значении с именем стандартного объектного актанта, имя которого *товар*. Степень полноты ассоциативной парадигмы абстрактного имени повышается за счет окказиональных ассоциаций А-феномена, направляющих сочетаемость «своего» имени (АИ) и проявляющихся в ней, что и приводит к расширению синтагматических связей АИ.

3.1. Наблюдения за поведением аббревиатур (акронимов и сложносокращенных слов) в современных российских СМИ приводят к выводу, что этот компрессив, традиционно рассматривавшийся как семантический дублет производящей базы, обретает статус самостоятельной единицы языка со своими лингвистически значимыми особенностями за счет актуализации тех прагматических смыслов, которые связаны с выполняемой аббревиатурой экспрессивной функцией (*креакл, бюзнес, смомби*). Создание таких аббревиатур-неологизмов, языковая основа самостоятельности которых – прагматический элемент содержания (пейоративная, как правило, оценка), является характерной чертой языка современных СМИ.

3.2. Из сугубо номинативных единиц многие аббревиатуры переходят в

разряд оценочных, а одним из действующих механизмов изменения их статуса в языке является паронимическая аттракция (*коронОРВИрус, КоАПать, ИННовация*). За счет механизма паронимической аттракции акроним вставляется в хорошо известные слова на правах их квазиэтимологической части, выделяемой графически, что создает смысловую двумерность нового «слова-чемодана» вследствие совмещения в одном означающем разных означаемых. Наблюдается нарастающая в соответствии с количеством проникающих в СМИ (а через СМИ и в общеизвестный русский язык) профессиональных, т.е. сугубо номинативных аббревиатур, тенденция их оценки носителями языка, дающая возможность изучать аббревиатуру с позиции ее восприятия, иными словами, с позиции рецептивной лингвистики (шире – эстетики). Аббревиатура становится предметом лингвистического обсуждения и оценки – общей, но больше частной (в основном эстетической и утилитарной: *худрук, недобр, МРОТ*).

4. Прецедентное имя как результат семантической конденсации других прецедентных феноменов реализует неодинаковые коннотации в разных контекстах, но выполняет общую вторичную функцию, свойственную и другим рассмотренным знакам, – функцию характеристики (экспрессивно-оценочную). Особую активность ПИ обретают на страницах СМИ, которые предлагают им широкий простор для семантико-прагматической вариативности. Прецедентное имя находится в тесной связи с когнитивной базой лингвокультурного сообщества, поэтому исследование их новых, окказиональных ассоциаций, ставших неоконнотациями, – это путь к открытию и описанию национально-культурных особенностей существования прецедентных имен в определенную эпоху развития социума. Поскольку само ПИ представляет собой результат закрепления в языке устойчивых ассоциаций имени собственного, изучение употребления ПИ позволяет говорить о тенденции к его семантико-прагматическому расширению либо за счет смысловой актуализации тех фрагментов стоящей за ПИ прецедентной ситуации или прецедентного текста,

которые не охвачены стандартными коннотациями (*Золушка* – ‘туфелька’, *Чебурашка* – ‘неустойчивость’), либо за счет полного переосмысления (*Сусанин* – ‘заработок’, *Баба-яга* – ‘современная свободная и независимая женщина’). Исследование нестандартного употребления прецедентных имен в текстах СМИ дает возможность выявить тенденцию превращения окказиональных ассоциаций в новые коннотативные значения, т.е. обнаружить факторы семантико-прагматического развития ПИ.

Апробация работы. По теме диссертации опубликовано 7 научных работ: 3 тезиса и 4 статьи, рекомендованных ВАК и включенных в список рецензируемых научных изданий, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности 10.02.01 – русский язык. Одна из статей опубликована в журнале «Web of Science» (в соавторстве с Л.О. Чернейко). Основные положения и результаты исследования нашли отражения в докладах на следующих конференциях: Международный научный форум студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2018» (Москва, 2018); I молодежный форум «Имя. Язык. Мир» (Ульяновск, 2018); Международный научный форум студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2019» (Москва, 2019); IX Международный форум при журнале «Русская литература и искусство» (Шанхай, 2019).

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключения, Библиографии (223 наименования) и Приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность диссертации, раскрывается ее научная новизна, указываются объект и предмет исследования, материал, цели и задачи, характеризуется практическая и теоретическая значимость работы, перечисляются применяемые методы, формулируются положения, выносимые на защиту, и приводятся сведения об апробации работы.

Глава I. «Теоретическая основа исследования» посвящена анализу функционально-стилистической дифференциации языка (**раздел 1**) и обзору основных проблем, затрагиваемых в современных исследованиях при изучении коннотаций в лингвистическом аспекте (**раздел 2**).

В **п.1.1** рассматривается функциональный стиль, который является исторически сложившейся и социально осознанной подсистемой литературного языка, характеризующейся определенными присущими им целями и содержанием высказывания. Стилистическая дифференциация языковых единиц является фактом системы языка, поскольку в содержание стилистически маркированной единицы «вписана» информация о коммуникативной ситуации, в которой слово уместно. В эпоху огромных социальных сдвигов стилистическая принадлежность языковых единиц изменяется, контраст между функциональными стилями размывается. Выбор стилистически маркированных языковых единиц говорящим в речи выявляет главное – оценку им соответствия формальной стороны знака (его означающего) коммуникативной ситуации. В **п.1.2** уделяется особенное внимание изучению публицистического стиля. Публицистика рассматривается как основа языка современных средств массовой информации, она обслуживает всю сферу этой мощной информационной системы. Однако язык масс-медиа охватывает различные функциональные стили современного языка, поэтому нельзя считать публицистику и язык СМИ тождественными явлениями. Публицистический стиль рассматривается и как самостоятельный стиль, и как составная часть языка массовой коммуникации, воспитывающая языковой вкус коллективной аудитории.

В **п.1.3** детально рассматривается специфика текстов СМИ. В настоящее время язык СМИ претендует на место литературного языка, что способствует расширению его границ и контингента носителей, а также большей вариативности нормы литературного языка. Язык СМИ опирается скорее на узус, чем на строгую литературную норму, а лексические «новшества» СМИ,

насыщенные прагматическими элементами (главное место среди них занимает оценка), легко проникают в разговорную речь, обогащая ее эмоционально-оценочной лексикой. Лексикон языка СМИ существенно превышает объем лексикона других функциональных сфер языка, поскольку СМИ отражают живую речь социума. Основная специфика лексикона языка СМИ состоит в его подвижности, в способности передавать «языковой вкус эпохи» (выражение В.Г. Костомарова). А коннотация является одним из потенциальных источников лексико-семантического обновления слова или словосочетания, в чем проявляется важный творческий аспект языка³. Поэтому именно в текстах СМИ часто встречается нестандартное употребление слов, словосочетаний и выражений (например, *хау матч, не по чесноку, коОПЕРАция, COVIDоносцы, Добро пожаловать, горе от шума, доСТАть, Шведский стоп, Не по Китай меня!*) и сопутствующие неоконнотации.

Термин «коннотативная семиотика» впервые был использован Л. Ельмслевым в 1943 году в рамках семиотики, «существуют также семиотики, план выражения которых является семиотикой»⁴, такую семиотику исследователь называет коннотативной. Развивая идеи Л. Ельмслева о коннотативной семиотике, Р. Барт понимает язык не только как денотативную систему, но и как коннотативную систему вторичных смыслов. Бартовское исследование латентных означаемых в коннотативной системе было не стремлением неправомерно или преждевременно расширить пределы семиологии, а попыткой качественно переориентировать лингвистику.

Термин «коннотация» определяется в лингвистике по-разному: и как «приращение смысла» (Ю.М. Лотман), и как «стереотипные ассоциации» (М.В. Никитин), и как «ассоциация, носящая смысловой, побудительный и эмоциональный характер» (Э.Г. Ризель), и как «лингвистическая универсалия» (О.Г. Ревзина). Но, как бы ни определялся термин, инвариантным в его разных

³ Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I.: Лексическая семантика. М.: Восточная литература, 1995. С. 169.

⁴ Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М.: КомКнига, 2006. С. 133-134.

определениях и пониманиях остаются два параметра – это «устойчивость» элемента содержания знака, обусловленная его воспроизводимостью, и «несущественность» по отношению к его понятийному (логическому) ядру.

Существует ряд взаимосвязанных и взаимодействующих компонентов, влияющих на формирование коннотаций: экспрессивные, эмоциональные, культурные компоненты, аксиологическое отношение, стилистическая принадлежность, индивидуальные факторы (мировоззрение, профессия, социальная принадлежность, жизненный опыт и т.п.) (Блумфилд 1968⁵; Телия 1986⁶; БЭС 1998⁷; Комлев 2006⁸; Апресян 1995⁹; Полякова 2013¹⁰). С опорой на перечисленные выше факторы, оказывающие влияние на образование коннотаций, виды коннотаций могут быть представлены следующим списком: вещная (проекция вещи или идеи вещи на предметный мир), «невещная» (проекция идеи на идею), аксиологическая (устойчивая оценка), стилистическая (закрепление за стилистическим регистром), «культурная» (стереотипизация собственных имен, закрепление за ними определенных символов). Каждый из типов коннотаций воплощается в контексте не в чистом виде, они переплетаются и создают необычный речевой эффект (п.п.2.1 – 2.2).

В настоящей работе термин «проекция» понимается в полном соответствии с лингвистической концепцией Л.О. Чернейко, которая опирается на математическое понимание проекции и рассматривается как специальная интеллектуальная операция, обеспечивающая процесс познания. В проекции происходит «удвоение воспринимаемой реальности», оно связано не с логикой познания мира, а с активизацией памяти и обращением субъекта восприятия или говорящего субъекта к своему индивидуальному опыту¹¹. В проекции

⁵ Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. 606 с.

⁶ Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 141 с.

⁷ Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

⁸ Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: КомКнига, 2006. 192 с.

⁹ Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I.: Лексическая семантика. М.: Восточная литература, 1995. 472 с.

¹⁰ Полякова Е.В. Значение стилистически маркированных единиц в рассказе Г.Х. Манро «Tobermory» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27): в 2-х ч. Ч. 1. С. 147-149.

¹¹ Чернейко Л.О. Понятия «проекция» и «проективный смысл» в терминосистеме когнитивной лингвистики // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 16.

выделяются два компонента – X и Y, где X познаваемое (неизвестное и непонятное или менее известное и понятное), а Y – познанное (уже известное и понятное или более известное и понятное), на которое X проецируется. В результате проекции как особой когнитивной операции рождаются проективные смыслы, относящиеся к познаваемому, проецируемому феномену. Задача лингвиста эти проективные смыслы «распаковать» через контексты употребления имени феномена. Что касается выбора предмета «картинной плоскости», на которую проецируется познаваемое, то он во многом определяется личным опытом, эмоциональным состоянием, ассоциативными способностями и картиной мира говорящего. В развитие концепции проекции Л.О. Чернейко в работе предлагается семантизация триады терминов «ассоциация» – «коннотация» – «проекция»: первый содержит наиболее широкое понятие и является гиперонимом по отношению к двум другим – согипонимам, второй обозначает узаконенные ассоциации имен существительных вне зависимости от их семиотического статуса, а в третьем не делается различия между узуальными иokkaзиональными ассоциациями, между вещными и «невещными» проекциями, но главное состоит в акценте на когнитивном неравноправии ассоциатов, а именно на подчинении неизвестного известному, непонятного понятному, абстрактного конкретному. В отличие от амбивалентности коннотации проективный смысл принадлежит стоящей за именем сущности (предмету, идее) и только ей, тогда как «коннотацией» охватывается и предмет, и его имя (п.2.3).

Коннотативная система, с одной стороны, помогает адресанту выражать свое мнение или отношение к делу сознательно при помощи употребления знаковой системы с латентным значением и аксиологическим потенциалом, а с другой стороны, помогает адресату обрести навык восприятия дополнительной информации, сопутствующей знаку в его основном значении. Что касается таких единиц коннотативной системы, как имя существительное, то оно обрастает новыми ассоциациями, многие из которых закрепляются в языке

СМИ и становятся неоконнотациями с тенденцией проникновения в общеизвестный язык, но за фиксацией этого факта словари не успевают. Коннотативные языковые единицы являются прагматическими компонентами текста, добавляющими ему эмоционально окрашенные смысловые оттенки.

Глава 2 «Коннотативный ореол абстрактных имен в текстах СМИ» указывает лингвистический статус абстрактных имен (**раздел 1**) и рассматриваются сочетания АИ с дескриптивными прилагательными (**раздел 2**), глаголами физического действия (**раздел 3**) и предметными именами (**раздел 4**), которые выступают в роли коннотаторов АИ.

Для исследования процессов образования коннотативных значений слов абстрактное существительное является важным грамматическим классом лексем, поскольку экзистенциально, жизненно важные и культурно значимые единицы этого класса открыты интерпретации (*жизнь, доверие, справедливость, право* и под.). Проективные смыслы абстрактных феноменов извлекаются из сочетаемости их имен. Особую роль в создании «портрета» абстрактного феномена играет сочетаемость его имени с вторичными предикатами – с дескриптивными прилагательными, глаголами наблюдаемых действий и предметными именами. В предложенном Л.О. Чернейко термине «проективный смысл» снято противопоставление чувственного и логического образов, в которые облекается абстрактный феномен при мысли и речи о нем, а акцент делается только на его ассоциативных связях, подчиняющих неизвестное известному, непонятное понятному, абстрактное конкретному (*мост доверия: ‘доверие соединяет подобно мосту’ – внушить доверие: ‘доверие=мысль’*). Этот инструмент эффективен для описания ассоциативного ореола абстрактного феномена (а метонимически – и его имени) без указания на онтологический статус метафоризатора.

Прилагательные цветообозначения включают в себя семантические и прагматические компоненты, которые оказываются связанными в семантике

прилагательных¹², обладают и содержательностью, и изобразительностью, поэтому в современных СМИ часто используются сочетания существительных абстрактных с прилагательными цвета (особенно отчетливо это видно в Приложении). Прилагательное цветообозначения, будучи дескриптивным, отображает перцептивно воспринимаемые свойства предмета, преломленные сознанием носителя той или иной культуры. «Цветовые» субстантивно-адъективные синтагмы (как узуальные, например, *белая экономика*, так и окказиональные, *белая халатность*), включающие в качестве опорного компонента абстрактное имя существительное, позволяют через символику цветообозначений раскрыть особенности «переживания» (осмысления и оценки) значимого для социума абстрактного феномена.

В текстах СМИ, особенно в политической, экономической и социальной сферах, часто встречается нестандартное сочетание непредметных имен с глаголами физического действия (например, *заразить беженством*, *заразить кризисом*, *оскорбить сочувствием*, *вращивать коррупцию* и т.д.), причем сдвиг в сочетаемости основан на сдвиге в ассоциативном ореоле непредметной (абстрактной) сущности, поскольку новый смысл проявляется только через его материальное выражение (в речи говорящего), которым и является словосочетание. По мнению Н.Д. Арутюновой, в процессе отбора признаков и действий для характеристики разных видов ненаблюдаемых сущностей и абстрактных понятий и обнаруживается специфика абстрактных имен¹³. Определенное абстрактного имени и приращение его смысла осуществляется в речи – в его сочетании с глаголом физического действия, в этом процессе глагол физического действия не только выступает вторичным предикатом АИ, но и позволяет обнаружить символические смыслы непредметной сущности и сопутствующие ему аксиологические значения. Глаголы физического действия (как и прилагательные) при АИ оформляют

¹² Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного М.: Наука, 1977. С. 7.

¹³ Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М: «Языки русской культуры», 1999. С. 337.

(проявляют) новые смысловые оттенки (экспрессивно-эмоциональный, оценочный, иронический и т.д.) стоящего за ним абстрактного феномена, что влечет за собой изменение ассоциативного ореола АИ, свидетельствующее о гибкости лексикона не только в его денотативном аспекте, но и в коннотативном, прагматическом, отображающем вкусы эпохи.

Предметное имя, как и дескриптивное прилагательное, и глагол физического действия, употребленное в качестве коннотатора, наделяет АИ чувственно воспринимаемыми признаками, расширяя его коннотативную парадигму. Вместе с абстрактным субстантивом предметное имя создает генитивную метафору когнитивного типа (например, *стена непонимания, почва расизма, пена ненависти* и др.), где абстрактное имя является основным субъектом, а предметное имя – вспомогательным. Прагматические компоненты, выделенные из такого типа метафорического сочетания, будучи вариативными и при этом совместимыми, создают коннотативную («фразеологическую», по В.Г. Гаку) парадигму АИ, периферия которой – окказиональные ассоциативные смыслы (неоконнотации), являющиеся результатом «прагматической деривации» (словоупотребление Л.О. Чернейко) и заполняющие пространство текстов СМИ. Именно когнитивная (или концептуальная) метафора позволяет вскрыть имплицитные проекции абстрактных имен на предметную сферу. Новые коннотативные значения абстрактных имен обнаруживают себя при возникновении новых проекций стоящих за ними феноменов, что выражается в расширении синтагматических связей абстрактных имен (например, *пандемия прогресса, рухнул социализм, украсть авторитет, красный вирус, черная личность, прихлопнуть экономику* и др.).

В главе 3 «Аббревиация в свете теории универбации и функции аббревиатур в СМИ» освещается лингвистический статус аббревиатур (**раздел 1**), посвящается изучению аббревиатуры в зеркале ее восприятия (**раздел 2**), рассматривается аббревиатура как инструмент оценки и участник языковой игры (**раздел 3**).

В п.п.1.1 – 1.2 дается общее описание процесса аббревиации и аббревиатуры, являющейся языковым знаком особого рода. Аббревиация рассматривается в работе как особый способ образования вторичного языкового знака, отличный от того, что традиционно охватывается термином «деривация», поскольку аббревиация не служит целям номинации необходимых социуму предметов или идей, заполняющей лексические лакуны, а является средством сжатия, компрессии уже существующего в языке воспроизводимого, но «длинного» аналитического обозначения референта, в чем проявляется присущий языку механизм «экономии» (И.А. Бодуэн де Куртенэ). Аббревиация рассматривается как один из самых распространенных способов номинации, так как аббревиатуры больше всего отвечают современным прагматическим установкам массовой коммуникации. От обычных имен существительных аббревиатура отличается тем, что она не имеет самостоятельного значения (означаемого), а дублирует значение производящей основы. Она создана не в целях предоставления в полном объеме всей информации, которая содержится в производящем словосочетании, а с целью передачи обязательной информации в сокращенном варианте. В настоящее время аббревиатуры обладают не только устойчивостью и динамичностью одновременно, но и экспрессивностью, реализация которой зависит от прагматической установки говорящего, поэтому их значения могут дополняться в соответствии с контекстом и намерениями адресанта (например, *ПРОтив, ПРОход, уПРОчение*).

П.2.1 и п.2.2 посвящены изучению употребления аббревиатур и их специфики функционирования в текстах современных СМИ. К языку СМИ предъявляется требование лаконичности, что приводит к широкому употреблению аббревиатур в текстах массовой коммуникации.

Традиционное представление об аббревиатуре как о метазнаке, вторичном по отношению к производящей основе и несамостоятельном, расшатывается ее экспрессивной функцией, которая оказывается для СМИ приоритетной. В

текстах масс-медиа «сухие» и «скучные» аббревиатуры становятся эффективным экспрессивным средством, поскольку языковая креативность говорящего может превратить «скучные слова» в интересные, останавливающие взгляд читателя средства выражения.

Аббревиатура как знак-компрессив в эпоху информационного бума никуда не исчезает еще и потому, что в текстах СМИ она активно участвует в языковой игре на основе окказиональных ассоциативных смыслов, например, *Баба-ЕГЭ*, *ИННовация*, *рОЗХОждение* и др. Интересный пример совмещения разных смыслов в одном высказывании извлечен из современной письменной-устной формы речи СМС – это игровой компрессив *уччасть*, возникший окказионально из аналитической номинации *учебная часть*, и его паронимический аттракт *участь*: *Пойдите в участь, и она решит Вашу участь* (переписка Л.О. Чернейко). В основе языковой игры с аббревиатурами лежит механизм паронимической аттракции, создающий в письменных публицистических текстах «ложные этимологии», сближающие аббревиатуру с тем или иным оценочным словом, что разрушает линейность слова, но придает ей объем аксиологического суждения. Если оценочные коннотации специально созданной аббревиатуры служат замыслу говорящего и выражают оценку референта (например, *креакл*, *бюрнес*, *ковидиот*), то стилистические коннотации номинативных аббревиатур, возникающие как побочные эффекты (эпифеномены) неблагозвучности (например, *недобр*, *шкраб*, *суцпол*) и/или нежелательных ассоциаций с уже существующими словами (например, *МРОТ*, *МУДО*, *ГИБДД*), вызывают беспокойство не только филологов, но и людей, имеющих языковое чутье и языковой вкус. На создателях аббревиатур лежит ответственность за экологию литературного языка и русской речи, поскольку аббревиатуры являются одним из таких пластов лексики, который (наряду с заимствованиями) обращает на себя внимание носителей языка и провоцирует их рефлексию, направленную на языковой знак, что и выражается в метаоценках. Аббревиатура, чьей первичной функцией является сугубо

номинативная, может стать и становится в текстах российских СМИ активно используемым оценочным средством. Аббревиатуры могут быть источником возникновения новых лексем, причиной порождения новых значений, не включенных в словарные дефиниции. Эти факторы определяют актуальность изучения аббревиатур в современном русском языке.

В главе 4 «Прецедентные имена и их функции в СМИ» анализируется лингвистический статус прецедентных имен (ПИ) (**раздел 1**), употребление прецедентных феноменов (ПФ) на страницах СМИ и связь прецедентного имени с другими прецедентными феноменами (**раздел 2**), рассматриваются функции и вторичные коннотации прецедентных имен (**раздел 3**).

Имя собственное (ИС) представляет собой наиболее удобный и эффективный инструмент для индивидуализации объекта природы и социума. Семантика ИС обладает сложной структурой, которая состоит из лингвистических факторов (особенности функционирования в речевой действительности, стилистическая окраска и др.) и экстралингвистических (общественное состояние, индивидуальное состояние адресанта/адресата, степень известности ИС и др.). В языковой системе ИС выступает как номинативный знак и в то же время имеет возможность реализации скрытых коннотативных значений, которые порождаются в определенных контекстных условиях. Те имена собственные, носители которых пользуются известностью и авторитетом у народа, приобретают возможность переходить в имена прецедентные, т.е. такие имена нарицательные, которые уже не способны выполнять функцию индивидуализации предмета (человека, места, учреждения и т.д.), но нагружены эмоционально-экспрессивной (и оценочной) функцией.

Таким образом, ПИ отличается от обычного апеллятива обязательным эмоциональным прагматическим компонентом, являющимся ядром его значения, что позволяет говорящему использовать его как эмоционально окрашенный знак с высоким аксиологическим потенциалом, в котором выражены исторические и культурные ценности социума, поэтому анализ

функционирования ПИ в текстах, особенно в текстах СМИ, позволяет изучить современную культуру народа, направление развития языка (п.п.1.1 – 1.2).

Прецедентное имя является одним из видов прецедентного феномена, в том числе прецедентный текст, прецедентная ситуация и прецедентное высказывание (хотя за последние 10 лет были предложены новые виды ПФ, например, *прецедентное событие, прецедентный знак, прецедентный стиль, прецедентная дата* и т.д.). Прецедентные феномены «являются основными компонентами ... общего для всех членов лингвокультурного сообщества ядра знаний и представлений»¹⁴. Наблюдение над статьями журналов, газет, в которых использованы прецедентные феномены (в заголовках и/или текстах), позволило установить, что они функционируют как в первоначальном, так и – чаще – в трансформированном виде (например, *Раздули из гриппа слона, Будет лень – будет пицца, Кому в самоизоляции жить хорошо, Первый год комом* и др.). Несмотря на их трансформацию, они вполне узнаваемы и сохраняют присущую им эмоционально-экспрессивную и/или аксиологическую окраску. Включение видоизмененные ПФ в тексты СМИ помогает адресанту апеллировать к культурному «багажу» адресата.

Прецедентное имя отождествляет индивидуальное имя с прецедентным текстом или ситуацией. Оно одновременно служит означающим прецедентной ситуации и способом обращения к прецедентному тексту. ПИ выделяется из прецедентного текста (*Дон Кихот, Тартюф, Фа Мулан, Чебурашка* и др.), прецедентной ситуации (*Ньютон, Сусанин, Сноуден, Троянский конь* и др.), вместе с прецедентным высказыванием является вербальным прецедентным феноменом. ПИ выступает как имя-символ и указывает на некоторую эталонную совокупность определенных качеств¹⁵, при этом отсутствует необходимость комментирования имени или ситуации, потому что ПИ как слово-символ несет в себе достаточный объем информации для того, чтобы

¹⁴ Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: МГУ, 1999. С. 23.

¹⁵ Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ГНОЗИС, 2003. С. 108.

реализовать скрытый смысл, вложенный в него говорящим (*дядя Сэм, Леонардо, Чебурашка* и др.).

Семантическое развитие ПИ и расширение их объема подтверждают актуальность и перспективность их изучения. При этом необходимо обращать внимание и на соответствующие именам прецедентные тексты и прецедентные ситуации, поскольку ПИ является результатом их семантической конденсации, к тому же граница между ними может быть размытой в сознании адресанта и адресата. ПИ как способ вербализации прецедентного текста и прецедентной ситуации имеет сверхличностный характер, по сути своей оно является воплощением в имени собственном присущих ему в данной культуре коннотаций. В текстах современных СМИ прецедентное имя чаще всего приобретает вторичные коннотации под влиянием изменений, происходящих в национально-лингво-культурном сообществе (п.п.2.1 – 2.2).

Прецедентное имя, возникшее на базе вторичной функции имени собственного, существует в культуре как символ значимых для нее ценностей (и антиценностей) и выполняет не индивидуализирующую, а обобщающую и аксиологически окрашенную функцию. ПИ представляет собой эффективный способ раскрытия и описания национально-культурных особенностей представителей той или иной нации в разные периоды времени. Изучение коннотативного значения ПИ, а также широко представленных в СМИ его окказиональных ассоциаций позволяет говорить о дополнительной функции этого исторически вторичного, но теоретически самостоятельного знака. Прецедентное имя выступает как средство выражения субъективной оценки, сформированной под воздействием ценностей, занимающих господствующее место в сознании говорящего. Апеллируя к фоновым знаниям, прецедентные имена способны разнообразить речь адресанта, обогащать созданный им текст приращенными смыслами. Они могут соединять индивидуально-авторское и читательское творчество, поэтому сфера их интерпретации и количество их

коннотаций представляются безграничными и практически мало предсказуемыми.

Нестандартное употребление ПИ подчеркивает те характеристики личности или события, которые являются актуальными в настоящее время или представляются таковыми говорящему. Прецедентные имена, обладая новыми коннотациями, представляют собой примеры креативного употребления языкового знака, раскрывают его скрытые стороны и широкие возможности стать новым символом, помогают расширить когнитивный кругозор адресатов публицистической информации (п.п.3.1 – 3.2).

Прецедентное имя находится в тесной связи с когнитивной базой лингво-культурного сообщества, поэтому исследование их неоконнотаций – это путь к открытию и описанию национально-культурных особенностей существования прецедентных имен в определенную эпоху развития социума. Проведенное исследование употребления ПИ в текстах СМИ позволяет выявить их новые (оказиональные) употребления, которые вскрывают переосмысление параметров и оценок «старых», хорошо известных фактов, например: *Иван Сусанин* – ‘корыстолюбивый лжепроводник’, *м(М)ишустинг* – ‘неожиданный карьерный рост’, *Кададафи* – ‘страдалец’, *Конфуций* – ‘мягкая сила Китая’.

В **Заключении** представлены основные итоги проведенного исследования и намечены перспективные направления дальнейшей работы.

1. Исследование ассоциативных смыслов абстрактных имен, аббревиатур и прецедентных имен на материале современных российских СМИ позволяет сделать общее для этих разных типов языковых знаков заключение: неоконнотации по-разному влияют на разные по семиотическому статусу лексические единицы – в АИ изменяется ассоциативный ореол; аббревиатуры получают статус самостоятельной лексической единицы, находящейся в синонимических (стилистических) отношениях с производящей базой; ПИ изменяют свою семантико-прагматическую структуру, приобретая неоднозначность.

2. Изучение поведения выбранных типов имен существительных в текстах СМИ, дающих широкий простор для креативности говорящего, откликающегося на важные события современности, а также для выражения определенной идеологической позиции, позволяют сделать общий вывод о значимости эмоциональной функции языка в текстовом пространстве масс-медиа, которое даже такой вторичный знак, как аббревиатура, делает самостоятельным языковым знаком, а также дает возможность проявиться новым ассоциациям АИ и ПИ (особенно АИ, у которых есть «валентность на интерпретацию»).

3. Ассоциативные смыслы знаков отражают не только понимание стоящих за ними фрагментов действительности, но и их оценку (в СМИ, как правило, пейоративную). Закрепившаяся в языке (воспроизводимая) ассоциация становится коннотацией знака, свойственной определенному периоду развития общества. Как есть «ключевые слова момента», так есть и его ключевые коннотации, присущие текстам СМИ. Но коннотации знака рекрутируются из его окказиональных употреблений, нестандартных контекстов, которые свидетельствуют о переосмыслении традиционных коннотаций и о появлении неоконнотаций.

4. Термины «ассоциация» и «коннотация», которые являются традиционными, в когнитивной лингвистике получают особый вес, поскольку за ними стоит знание особого типа – это представление, а в пространстве СМИ представления оформляются в совокупности субъективных мнений, из которых складывается не логическая, а мифологическая (в основе своей чувственная) картина мира, свидетельствующая о мироощущении социума, на которое реагируют авторы текстов СМИ. Важным для когнитивного направления является и термин «проекция», указывающий на неравное когнитивное положение абстрактного и конкретного, неизвестного и известного, а именно на подчинение первого второму.

5. Коннотативная система лексики находится в динамическом состоянии, поскольку тесно связана с социокультурным контекстом, что отражается в текстах современных российских СМИ, а динамика этой системы определяет перспективу ее изучения и значимость проведенного исследования для лингвистики речи.

Библиография состоит из разделов «Статьи и монографии» и «Словари» и насчитывает 223 наименования.

Статьи, опубликованные в изданиях ВАК, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

1. Ли Яньян. Преобразование субстантивов во фразеологических оборотах как способ возникновения коннотаций (на материале российских СМИ) // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 10 (432). С. 216-222.

2. Ли Яньян. Прецедентное имя и его вторичные коннотации (на материале современных СМИ) // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3. С. 439-441.

3. Чернейко Л.О., Ли Яньян. Коннотации непроемных прилагательных цвета в аспекте когнитивного анализа их сочетаемости с абстрактными именами существительными // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2019. № 5. С. 144-164.

4. Чернейко Л.О., Ли Яньян. Аббревиатура как номинативный и экспрессивный знак в текстах российских СМИ // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. № 3 (200). С. 226-243.

Публикации в других изданиях:

5. Ли Яньян. Коннотативный ореол абстрактного субстантива (на материале российских СМИ) // Материалы Международного молодежного

научного форума «Ломоносов-2018» [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2018.

6. Ли Яньянь. Аббревиатура как экспрессивный знак (на материале текстов российских СМИ) // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2019» [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2019.

7. Ли Яньянь. Коннотативная система в семиотике // IX Международный форум при журнале «Русская литература и искусство» [Электронный ресурс]. Шанхай. 2019.